

МАТЕРИАЛЬНЫЙ ДОСТАТОК ПРОФЕССОРОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ УНИВЕРСИТЕТОВ РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ МК-1850.2010.6.

Рассматривается проблема материального обеспечения профессорско-преподавательского корпуса отечественных университетов в конце XIX – начале XX в. Затрагивается вопрос источников доходов, способов и форм его пополнения; анализируется профессорский бюджет. Прослеживается политика властей в отношении материального обеспечения университетских профессоров и преподавателей в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: университет; профессора; преподаватели; доходы; расходы; материально-бытовое положение.

Большие возможности для изучения отечественной высшей школы предоставляет такое направление исторической науки, как социальная история. В рамках социально-исторического исследования научный интерес вызывают различные аспекты жизнедеятельности той или иной социальной группы. При анализе профессорско-преподавательского корпуса дореволюционной России обращение к заявленной теме имеет непреходящее значение, так как материальная сторона предопределяет качество жизни, круг возможностей человека, оказывает влияние на образ жизни и даже на мировоззрение.

Материальный достаток человека может определяться как получаемыми доходами от результатов деятельности, так и «стартовыми позициями» – наличием/отсутствием приносящего доход имущества, доставшегося по наследству. Вопреки расхожему мнению, в рассматриваемый период (который, естественно, для изучаемого вопроса ограничивается, с одной стороны, последним университетским уставом, а с другой – революцией 1917 г.) среди профессоров и преподавателей вовсе не преобладали выходцы из потомственного дворянства: удельный вес таковых лиц с середины XIX в. неизменно падал и дошел к 1917 г. до 33%. Впрочем, и принадлежность к потомственному дворянству в начале XX в. уже вовсе не означала обладания значительным состоянием. По подсчетам А.Е. Иванова, основанным на анализе «Списка лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1917 г.», накануне революции лишь 12,6% штатных преподавателей университетов обладали земельной собственностью и домами. Землевладельцев было 6,3%. Этот процент складывался из 3,8% мелких и средних и 2,5% крупных (свыше 500 десятин) землевладельцев. Только один профессор владел имением в 6 тысяч десятин [1. С. 224]. Таким образом, можно утверждать, что для большинства профессоров и преподавателей основным источником благосостояния являлись чиновничье жалование, получаемое по линии министерства народного просвещения (МНП), а также доходы от иной профессиональной деятельности.

Раскрывая тему источников доходов профессоров и преподавателей, в первую очередь необходимо остановиться на анализе размера и покупательной способности жалования. Как известно, размер преподавательского жалования фиксировался в университетских уставах, которые четырежды принимались на протяжении XIX в. Любопытно, что после 31 года действия Устава 1804 г. содержание профессоров и преподавате-

лей по Уставу 1835 г. было увеличено в 2,25 раза. Спустя 28 лет содержание выросло еще в 2,3 раза, что нашло отражение в третьем уставе (1863 г.), но четвертый университетский устав (1884 г.), принятый спустя 21 год после третьего, оставил размер жалования без изменений.

В 1884 г. Соединенные Департаменты Законов и Экономии Государственного Совета, обсудив проект университетского устава, признали, что «материальное положение профессорской коллегии должно было остаться и на будущее время почти столь же мало обеспеченным. Если Департаменты остановились на испрашиваемых по упомянутым предметам кредитах, то только ввиду неблагоприятного положения финансовых средств государства. Такая причина, быть может, по прошествии некоторого времени устранилась, явится и возможность удовлетворить потребности университетов в полной мере. В надежде на это нельзя не признать предпочтительным утверждение проектированных штатов лишь временно, на три года, с тем, чтобы по истечении сего срока министр народного просвещения, основываясь на указаниях опыта, представил на уважение Государственного Совета окончательные предложения об устройстве материального положения университетов» [2. С. 295]. Однако признанные «временными» штаты российских университетов не претерпели изменений вплоть до кануна Февральской революции 1917 г., когда было принято «Временное расписание окладов содержания лицам, состоящим по учебной части Императорских российских университетов» (1916 г.). Таким образом, большую часть рассматриваемого периода фиксированное жалование профессоров и преподавателей российских университетов было следующим: ординарный профессор получал от МНП 3000 рублей, экстраординарный – 2000 рублей, лектор – 1000 рублей в год. Профессора, занимавшие административные должности в университете, имели доплату к профессорскому содержанию: ректор – 1500 рублей, декан факультета – 600 рублей в год [3. С. 53–54].

Вместе с тем масштабы Российской империи учитывали некоторые региональные особенности. Так, профессора и преподаватели Томского университета пользовались льготами, установленными «Положением о заработной плате и льготах в Сибири»: они получали полуторное содержание. Кроме того, к основному содержанию ординарных и экстраординарных профессоров по истечении 5 и 10 лет службы были положены прибавки в размере 20 и 40% жалования [4. С. 102]. Особая система расчета окладов существовала и в

Варшавском университете. Профессорам и преподавателям, служившим в самом западном университете империи, полагалась 20-процентная прибавка к штатным окладам, что увеличивало их до 3600 (у ординарных профессоров), 2400 (у экстраординарных профессоров) и 1440 (у доцентов, сохранных в штате Варшавского университета) рублей. Кроме того, после первых пяти лет службы делалась прибавка в 25% к тому окладу, который получал преподаватель; по выслуге следующих пяти лет делалась вторая 25%-ная прибавка, но при этом отменялась указанная выше 20%-ная прибавка [5. Л. 5–8об.]. Таким образом, преподавательский корпус Варшавского университета имел оклады от 1440 до 4500 рублей в год. Эта цифра увеличивалась для преподавателей, в чьих семьях воспитывались дети в возрасте от 9 до 17 лет, максимум на 450 рублей в год.

Помимо основного оклада доходы профессоров и преподавателей большинства университетов пополнялись за счет так называемой «гонорарной системы», введенной уставом 1884 г. Суть гонорарной системы сводилась к тому, что студенты вносили в университетскую казну дополнительные средства за слушание лекций. Считалось, что тот преподаватель, который лучше преподает, будет иметь больше слушателей и больший гонорар. Суммы, получаемые профессорами с гонорара, были весьма разнообразны. Например, в Томском университете в 1895/96 учебном году общий размер сбора со студентов за слушание лекций в пользу профессоров составил 13 215 рублей. Эта сумма была распределена между 26 профессорами и преподавателями. Выплаты были весьма неравномерными. 17 человек получили сумму, не превышавшую 500 рублей. Самые же большие выплаты пришлось на профессоров Н.М. Малиева (1988 рублей 25 копеек), Е.В. Вернера (1420 рублей 50 копеек), Н.Ф. Кащенко (1040 рублей 25 копеек) [6. С. 113]. На следующий год лидерами были Ф.Я. Капустин (1712 рублей 39 копеек), Е.В. Вернер (1494 рубля 97 копеек), И.С. Павловский (1335 рублей 30 копеек), А.Е. Смирнов (1025 рублей 20 копеек), получившие свыше 1000 рублей за учебный год, средняя же выплата составила 596 рублей (получателей – 24) [7. С. 139]. Как видно, профессора Томского университета, в котором обучалось небольшое число студентов, не могли рассчитывать на солидную прибавку к окладу за счет гонорара; примерно такой же уровень гонорарных выплат получали профессоры из Юрьевского университета [8. Л. 19–22].

Самые большие гонорары, доходящие до нескольких тысяч рублей в год и потому сопоставимые с размером оклада, были у профессоров Московского и Санкт-Петербургского университетов в силу большого числа студентов. Редкими, но все же не уникальными были случаи, когда гонорар отдельных профессоров превышал 10000 рублей [8. Л. 36]. Однако и в столичных вузах наблюдалась серьезная разница в размерах гонораров отдельных преподавателей, вытекавшая из наличия «многолюдных» (в первую очередь, юридический) и «малоллюдных» (историко-филологический) факультетов. Действовало правило, согласно которому профессора, получающие гонорар в сумме менее 1000 рублей в год, имели 20-процентную прибавку к жалованью. Это правило не распространялось на про-

фессоров и преподавателей Томского и Варшавского университетов, так как в них существовали иные принципы увеличения базовой суммы жалованья [9. Л. 91–91об.]. Впрочем, судя по обнаруженным архивным документам (а именно конфиденциальной переписке ректора Варшавского университета с Министерством народного просвещения), в Варшавском университете сами не хотели распространения на университет общероссийских правил начисления гонорара. Вот что писал 16 декабря 1884 г. ректор Н.А. Лавровский Министру народного просвещения: «Система же гонорара и тесно связанная с ней институт приват-доцентов, по соображению местных условий, решительно не применимы к Варшавскому университету. Нет сомнения, что вслед за открытием свободного доступа к приват-доцентуре для окончивших курс в Варшавском университете этот институт будет переполнен лицами польского происхождения, которые откроют всевозможные курсы, параллельные курсам русских профессоров, – и можно с решительной уверенностью утверждать, что аудитории польских приват-доцентов и профессоров будут переполнены, а русских профессоров пусты, как бы ни ничтожны были курсы первых и как бы ни высоко было научное достоинство последних. Кроме того, едва ли желательно устанавливать здесь денежную зависимость русского преподавателя от польско-еврейской аудитории» [10. Л. 5].

Гонорарная система вызывала много споров. Так, при обсуждении в 1901 г. возможной реформы высшего образования гонорарную систему университетские советы отнесли к числу черт университетского строя, «которые вызывают или поддерживают разъединение между профессорами и студентами». Гонорарной системе давалась такая характеристика: «...1) в среде профессоров гонорар внес чувства розни, взаимного отчуждения, зависти, недоброжелательности, а иногда и враждебности; вместе с сим в редких случаях профессорской конкуренции он вовлекал и студентов в борьбу конкурирующих друг с другом профессоров, делая их судьями в этой борьбе и подрывая в них должное уважение к нравственному авторитету своих учителей; 2) слагаясь в весьма значительной своей части из сумм, уплачиваемых благотворительными учреждениями или вносимых отдельными жертвователями, гонорар ставит профессора в униженное положение в глазах общества и студентов» [11. С. 295]. Но, понимая, что иных источников пополнения преподавательских доходов у него нет, правительство не спешило отказываться от гонорарной системы. Наконец, регулярные, хотя и небольшие доходы в виде ежегодных пенсий предоставляло обладание орденами. Размер пенсии зависел от ордена и его степени и варьировался от 86 (орден Св. Станислава 3-й степени) до 600 (орден Св. Владимира 1-й степени) рублей. Стоит отметить, что обладание орденами не являлось редким. Например, из 500 штатных профессоров и преподавателей, служивших в отечественных университетах в 1887/88 учебном году, те или иные ордена имелись у 399 человек [12].

Суммируя все постоянные (оклад) и вероятные (гонорар, региональные прибавки, «орденские» пенсии) доходы, получаемые профессорами и преподавателями из государственной казны вследствие их профессио-

нальной деятельности, можно сделать вывод о достаточно большом разбросе итоговых цифр: от сумм, едва превышающих 1000 рублей в год у доцентов и до 7000–8000 у профессоров-юристов столичных университетов. Для более адекватного представления о «качестве» профессорских окладов необходимо сопоставить их с размером содержания иных чиновников империи. В разных ведомствах Российской империи оклады, присвоенные должностям одного класса, были различны. Для сравнения: по Высочайше утвержденному 3 мая 1899 г. временному штату центральных установлений Министерства путей сообщения 75 должностей были отнесены к V классу (как и ординарные профессора по ведомству МНП), и только по одной из них оклад равнялся 3000 в год. Остальным 74 должностям V класса присвоены оклады от 4500 до 8000 рублей (из них 67% – от 6000 до 8000 руб.) [11. С. 214–215].

«Лицо, оставленное при университете, написавшее и защитившее диссертацию, на что им потрачено, примерно около 5 лет, – говорилось в начале века в материалах Комиссии по преобразованию высших учебных заведений, – может рассчитывать при современных условиях лишь на 1200 р. содержания, между тем как его товарищ по университету, по окончании курса поступивший на государственную службу и занимающий, положим, должность помощника акцизного надзирателя, получает более 2000 р.; столоначальник Министерства финансов, занимающий должность VII класса, получает в общем до 3000 р., начальник отделения в Департаменте общих дел получает до 7000 р., а начальники отделений Министерства финансов, зачастую состоящие представителями министерства в частных коммерческих учреждениях, доводят свое содержание до значительно больших размеров» [13. С. 124].

Сетуя на небольшие, в сравнении с другими чиновниками, оклады университетских преподавателей, не стоит забывать, что многие из них имели дополнительный заработок путем преподавания в других учебных заведениях (институтах, высших женских курсах, гимназиях), через медицинскую и юридическую практику. Находились среди профессуры и весьма состоятельные люди. О материальном благополучии отдельных профессоров можно судить по их благотворительной деятельности и по духовным завещаниям. Например, согласно духовному завещанию профессора Московского университета Н.В. Воронцовского, после его кончины следовало 24000 рублей обратить в капитал, на проценты с которого создать 4 стипендии, 10000 рублей – на учреждение медицинской библиотеки при факультетских клиниках и еще 3000 рублей – на университетскую церковь, итого Н.В. Воронцовский завещал на университетские нужды 37000 рублей [14. Л. 6]. Приведенный пример, будучи иллюстрацией наиболее крупного пожертвования, был далеко не единственным.

Для того чтобы судить о качестве жизни университетских преподавателей, нужно учитывать покупательную способность рубля в конце XIX – начале XX в. и иметь представление о расходной части бюджета семьи средне-статистического профессора. Ориентировочную информацию о последнем дает доклад профессора Г.Ф. Вороного «Об окладах и пенсиях профессоров университета», подготовленный им во время работы Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. В докладе приведена таблица, составленная на основании записей, ведшихся в 1892–1896 гг. одним из профессоров Харьковского университета. В таблице отражены среднемесячные расходы профессорской семьи, состоявшей из четырех человек (профессор, его жена, двое детей – мальчик 13 лет и девочка 11 лет).

Расходы семьи профессора Харьковского университета [11. С. 212]

[Категория расходов]	[Стоимость, руб.]
На наем помещения	58,33
Отопление	10
Освещение	3,36
Прислуга	35,7
Пища	94,17
Одежда и обувь	40
Обучение детей и книги	22,92
Удовольствия и лакомства	12,37
Лечение и лекарства	9,88
Курение	3,42
Извозчики	5,01
Благотворительность	7,67
Ремонт хозяйственного инвентаря, мойка белья, починка мебели, раздача «на водку» и другие случайные расходы	44,88
Итого в месяц	347,71

Итак, семья неназванного профессора из Харькова, месячные расходы которой приводятся в докладе Г.Ф. Вороного в качестве типового примера, тратила в конце XIX в. около 350 рублей в месяц или порядка 4200 рублей в год. Заметим, что в приведенном примере расходы профессорской семьи включали в себя лишь текущие бытовые траты, но не учитывали, например, расходы профессора на научные книги, пособия. Рассуждая о семейном бюджете университетских преподавателей, необходимо отметить, что с 1908 г.

дети профессоров и преподавателей, обучавшиеся в университете, были освобождены от взноса платы за обучение [15. Л. 5; 16. С. 15].

Что касается цен в дореволюционной России, то этот вопрос неоднократно поднимался в исторической литературе [4. С. 112–114], что избавляет нас от необходимости подробно останавливаться на данном сюжете. Обратим внимание лишь на некоторые принципиальные аспекты. Во-первых, уровень цен в огромной Российской империи, безусловно, имел региональные

особенности: жизнь в столицах и крупных городах была дороже, чем, например, в Юрьеве или Томске. Это можно проследить по самой большой статье расходов семей университетских преподавателей – аренде жилья. В приведенном выше примере аренда квартиры на четырех человек в Харькове в конце XIX в. обходилась в 700 рублей в год. Примерно за такую же сумму – 720 рублей в год – можно было снять квартиру в Томске в начале XX в., правда, квартира из 6 комнат с кухней в центре города обошлась бы примерно в 960 рублей в год [4. С. 114]. В Киеве в те же годы наем квартиры в 5-6 комнат стоил уже 1200 руб. в год [11. С. 213], а в Варшаве аренда аналогичной квартиры могла обойтись в 1500 рублей в год [5. Л. 7об.]. Во-вторых, в начале века инфляция, которая вызывала уменьшение покупательной способности рубля, была небольшой. Серьезный рост цен и, следовательно, удорожание жизни было связано с периодом Первой мировой войны.

В архивах сохранилось немало свидетельств, отражающих материальные сложности университетских преподавателей. 29 мая 1905 г. ординарный профессор Казанского университета Н.П. Загоскин обратился в Совет со следующим письмом: «26-го числа наступающего июня исполняется 30 лет моей преподавательской деятельности в Казанском университете и вместе с тем с этого дня я буду считаться уже перечисленным с штатного оклада жалованья на государственную пенсию. Производство по назначению пенсий затягивается, как известно, месяца на 2–3, ввиду чего в течение этого промежутка времени мне предстоит оставаться без всяких материальных ресурсов, что грозит мне весьма существенными осложнениями. Вышеизложенное побуждает меня к крайне тяжелой и щекотливой необходимости [...] ходатайствовать перед Советом относительно назначения мне временного пособия из средств университета в размере не свыше 300 рублей. Сознывая затруднительное положение университетского бюджета, я называю испрашиваемое пособие временным в том смысле, что я даю нравственное обязательство возместить его университету не позже окончания текущего гражданского года» [17. Л. 1]. Совет и попечитель (утвердивший решение Совета) удовлетворили просьбу Н.П. Загоскина [17. Л. 3, 4]. Приведенный пример примечателен тем, что указывает на невозможность за счет профессорского оклада накопить за время службы сколько-нибудь серьезные сбережения.

О гораздо более сложном положении находящихся за штатом приват-доцентов говорит хранящееся в фондах РГИА анонимное письмо, написанное летом 1916 г. от имени «матери приват-доцента» и адресованное министру народного просвещения. В письме говорилось: «Я осмеливаюсь [...] описать, как пример, положение сына моего: окончив классическую гимназию с золотой медалью, он поступил в университет, по окончании которого был удостоен так же золотой медали за представленное им сочинение и был оставлен при Московском университете для подготовки к профессорскому званию. Через три года он выдержал магистерский экзамен и получил звание приват-доцента. В следующем году был командирован от министерства за границу для приготовления магистерской диссертации, на что ему

была назначена стипендия – 2000 р. в год. Побыв там 1½ года, он был застигнут в Германии войной, принужден был бежать, причем потерял все свое имущество: книг на 500 р., весь багаж, даже ручной, и билеты на проезд. На возвращение употребил 18 дней, истратив 350 р. По приезде в Россию стипендия от Министерства была прекращена, но несмотря на свое трудное материальное положение, он продолжил заниматься окончанием диссертации, читая вместе с тем лекции в университете безо всякого определенного вознаграждения, так как лекции его считались необязательными. Со слушателей получал 22 р. за полугодие. В настоящее время диссертация его окончена, уже напечатана, частично на счет университета, частично на собственные средства. Войдите, Ваше Высокопревосходительство, в положение такого лица, подумайте, чем ему существовать в таких тяжелых условиях, не имея личных средств, и в такое исключительное время? После защиты магист[ерской] диссертации ему предстоит писать еще докторскую, снова покупать и выписывать книги. Неужели за недостатком средств ему бросить любимую ученую карьеру и заниматься другим делом? Вероятно, не один мой сын находится в подобных невозможных условиях, потому я, слыша и читая о том, сколько Вы заботитесь о положении учащихся и учащих, надеюсь, что Вы обратите Ваше благосклонное внимание и не забудете таких приват-доцентов, как мой сын, улучшите их положение, назначив определенное вознаграждение за чтение лекций как обязательных, так и необязательных, дав им тем возможность добраться до профессуры» [9. Л. 131–132].

Тема повышения окладов профессоров и преподавателей поднималась неоднократно. Обсуждалась она и в 1901 г. во время работы упомянутой выше Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Однако ощутимых плодов работа комиссии не принесла. Всерьез российские власти намерились повысить преподавательское жалование только в условиях заметного удорожания жизни в годы Первой мировой войны. В декабре 1915 г. министр народного просвещения П.Н. Игнатьев разослал ректорам университетов письмо, в котором просил университетские власти «ввиду общей дороговизны, вызванной исключительными обстоятельствами военного времени» представить свои соображения о размере «пособий, которые могли бы быть выданы одновременно лицам преподавательского персонала» [9. Л. 5–5об.].

Советы университетов в качестве минимальной необходимой доплаты к ежегодному жалованью называли сумму в 2000 рублей [9. Л. 19–19об.]. Первые реальные доплаты последовали только весной 1916 г. Тогда лицам, получающим содержание по службе в размере не выше 2400 рублей в год, была установлена процентная добавка к содержанию «по случаю вызванного войной вздорожания жизни». В зависимости от места службы и размера жалования она составила от 12,5 до 30% [18. Ст. 990].

Летом 1916 г. были, наконец, увеличены штатные оклады профессоров и преподавателей. Согласно закону «О временном улучшении материального положения профессоров Императорских российских университетов и Демидовского юридического лица, а также

доцентов Императорских Варшавского и Юрьевского университетов и названного лица и об изменении некоторых постановлений Устава Императорских российских университетов» новые оклады выглядели следующим образом: ординарный профессор – 4500 рублей, экстраординарный профессор – 3000 рублей, доцент (в Варшавском и Юрьевском университетах) – 2400 рублей, лектор – 1500 рублей. Кроме того, новые оклады предусматривали две прибавки – по выслуге пяти и десяти лет – по 750, 500, 350 и 250 рублей соответственно для профессоров, доцентов и лекторов [19. Ст. 1662]. Впрочем, сделанные повышения едва ли могли покрыть все расходы, которые неизменно росли вследствие инфляции.

Подведем некоторые итоги. В профессорско-преподавательской среде материальный достаток в основном определялся теми доходами, которые получали

университетские преподаватели в результате профессиональной деятельности. Как в любой иерархизированной системе, дифференциация доходов представителей профессорско-преподавательского корпуса была довольно велика. Если доходы многих профессоров позволяли им вести образ жизни зажиточного горожанина, то доходы младших преподавателей – доцентов (в Варшавском и Юрьевском университетах), лекторов и приват-доцентов – не могли обеспечить жизненные потребности семейного человека. Впрочем, часто и профессорского содержания не хватало для того, чтобы сделать долгосрочные сбережения, «сколотить капитал». Недостаточность содержания профессорско-преподавательского корпуса, с одной стороны, вызвала проблемы с комплектованием университетских кадров, и, с другой стороны, формировала критицизм по отношению к властям в преподавательской среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991.
2. *Отчет* по Государственному Совету за 1884 год. СПб., 1886.
3. *Общий устав и временный штат Императорских российских университетов, а также расписание должностей и окладов содержания по инспекции в университетах.* СПб., 1884.
4. *Некрылов С.А.* Профессорско-преподавательский корпус Императорского Томского университета (1888 – февраль 1917 г.): Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1999.
5. *Российский государственный исторический архив (РГИА).* Ф. 733. Оп. 155. Д. 530.
6. *Отчет* о состоянии Императорского Томского университета за 1895 год. Томск, 1896.
7. *Отчет* о состоянии Императорского Томского университета за 1896 год. Томск, 1897.
8. РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 603.
9. РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 338.
10. РГИА. Ф. 733. Оп. 149. Д. 882.
11. *Труды* Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. СПб., 1903. Вып. 4.
12. *Список* лицам, служащим по ведомству Министерства народного просвещения. 1887/8 учебный год. СПб., 1887.
13. *Труды* Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. СПб., 1903. Вып. 2.
14. РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 92.
15. *Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ).* Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11232.
16. *Отчет* о состоянии и деятельности Саратовского университета за 1914 год. Саратов, 1917.
17. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11141.
18. *Собрание* узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1916. 14 мая. № 129.
19. *Собрание* узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1916. 3 июля. № 197.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 марта 2011 г.